

Действие происходит в Предуралье ранней весной 1920-ого года. Юрий Живаго почти два года пробыл в плену у «Лесных Братьев» — партизан-анархистов. Сбежав из партизанского лагеря, он явился в Юрятин. (Юрятин — вымышленный город, прообразом которого является город Пермь).

1

По кривой горке к Малой Спасской и Новосвалочному спускалась Большая Купеческая. На нее заглядывали дома и церкви более возвышенных частей города.

5 На углу стоял темно-серый дом с фигурами. На огромных четырехугольных камнях его наклонно скошенного фундамента чернели свежерасклеенные номера правительственных газет, правительственные декреты и постановления. Надолго застаиваясь на тротуаре, литературу в безмолвии читали небольшие кучки прохожих.

10 Было сухо после недавней оттепели. Подмораживало. Мороз заметно крепчал. Было совсем светло в часы, в которые еще недавно темнело. Недавно ушла зима. Пустоту освободившегося места наполнил свет, который не уходил и задерживался вечерами. Он волновал, влек вдаль, пугал и настораживал.

15 Недавно из города ушли белые, сдав его красным. Кончились обстрелы, кровопролитие, военные тревоги. Это тоже пугало и настораживало, как уход зимы и прирост весеннего дня.

Извещения, которые при свете удлинившегося дня читали уличные прохожие, гласили:

20 «К сведению населения. Рабочие книжки для состоятельных получают за 50 рублей штука в Продотделе Юрсовета, Октябрьская, бывшая Генералгубернаторская, 5, комната 137.

25 Неимение рабочей книжки или неправильное, а тем более лживое ведение записей карается по всем строгостям военного времени. Точная инструкция к пользованию рабочими книжками опубликована в И. Ю. И. К. № 86 (1013) текущего года и вывешена в Продотделе Юрсовета, комната 137».

В другом объявлении сообщалось о достаточности имеющихся в городе продовольственных запасов, которые якобы только прячет буржуазия, чтобы дезорганизовать распределение и посеять хаос в продовольственном деле. Объявление кончалось словами:

30 «Уличенные в хранении и сокрытии продовольственных запасов расстреливаются на месте».

Третье объявление предлагало:

35 «В интересах правильной постановки продовольственного дела не принадлежащие к эксплуататорским элементам объединяются в потребительские коммуны. О подробностях справиться в Продотделе Юрсовета, Октябрьская, бывшая Генералгубернаторская, 5, комната 137».

Военных предупреждали:

40 «Не сдавшие оружие или носящие без соответствующего разрешения нового образца преследуются по всей строгости закона. Разрешения обмениваются в Юрревкоме, Октябрьская, 6, комната 63».

2

45 К группе читавших подошел исхудалый, давно не мывшийся и оттого казавшийся смуглым человек одичалого вида с котомкой за плечами и палкой. В сильно отросших его волосах еще не было седины, а темно-русская борода, которую он оброс, стала седеть. Это был доктор Юрий Андреевич Живаго. Шубу, наверное, давно сняли с него дорогою, или он сбыл её в обмен на пищу. Он был в выменянных коротко рукавых обносках с чужого плеча, не гревших его.

50 В мешке у него оставалась недоеденная краюшка хлеба, поданная в последней пройденной подгородной деревне, и кусок сала. Около часу назад он вошел в город со стороны железной дороги, и ему понадобился целый час, чтобы добрести от городской заставы до этого перекрестка, так он был измучен ходьбою последних дней и слаб. Он часто останавливался и еле сдерживался, чтобы не упасть на землю и не целовать каменьев города, которого он больше не чаял когда-нибудь увидеть, и виду которого радовался, как живому существу.

60 Очень долго, половину своего пешего странствия он шел вдоль линии железной дороги. Она вся находилась в забросе и бездействии, и вся была замечена снегом. Его путь лежал мимо целых белогвардейских составов, пассажирских и товарных, застигнутых заносами, общим поражением Колчака и истощением топлива. Эти, застрявшие в пути, навсегда остановившиеся и погребенные под снегом поезда тянулись почти непрерывною лентою на многие десятки верст. Они служили крепостями шайкам вооруженных, грабившим по дорогам, пристанищем скрывающимся уголовным и политическим беглецам, невольным бродягам того времени, но более всего братскими могилами и сборными усыпальницами умершим от мороза и от сыпняка, свирепствовавшего по линии и выкашивавшего в окрестностях целые деревни.

70 Это время оправдало старинное изречение: человек человеку волк. Путник при виде путника сворачивал в сторону, встречный убивал встречного, чтобы не быть убитым. Появились единичные случаи людоедства. Человеческие законы цивилизации кончились. В силе были звериные. Человеку снились доисторические сны пещерного века.

Одиночные тени, кравшиеся иногда по сторонам, боязливо перебежавшие тропинку далеко впереди и которые Юрий Андреевич, когда мог, старательно обходил, часто казались ему знакомыми, где-то виденными. Ему чудилось, что все
75 они из партизанского лагеря. В большинстве случаев это были ошибки, но однажды глаз не обманул его. Подросток, выползший из снеговой горы, скрывавшей корпус международного спального вагона, и по совершении нужды заюркнувший обратно в сугроб, действительно был из лесных братьев. Это был
80 мнимо насмерть расстрелянный Терентий Галузин. Его недострелили, он пролежал в долгом обмороке, пришел в себя, уполз с места казни, скрывался в лесах, оправился от ран и теперь тайком под другой фамилией пробирался к своим в Крестовоздвиженск, хоронясь по пути от людей в засыпанных поездах.

Эти картины и зрелища производили впечатление чего-то нездешнего, трансцендентного. Они представлялись частицами каких-то неведомых,
85 инопланетных существований, по ошибке занесенных на землю. И только природа оставалась верна истории и рисовалась взору такую, какой изображали её художники новейшего времени.

Борис ПАСТЕРНАК (1890—1960)

Доктор Живаго (1945—1955).

Книга вторая. XIII (Против дома с фигурами) 1, 2.